

Двое всю дорогу то и дело подшучивали друг над другом, и книга в их руках превратилась в бесполезный аксессуар, едва перелистав несколько страниц, они окончательно отложили её в сторону.

Когда небо окончательно потемнело, и Цзин Жань уже подумала, что, возможно, придётся ночевать в повозке, Лань Гэ внезапно остановил лошадей и произнёс:

— Наследный принц, мы прибыли.

Цзян Байси открыла глаза и увидела полную темноту. Немного растерявшись, она потянулась к светящейся жемчужине на потолке, чтобы осветить пространство, и, глядя на Чжансунь Циму и Цзин Жань, хрипловато произнесла:

— Выходите.

Цзин Жань, видя её сонное состояние, когда она, вылезая из одеяла, сразу же бросилась наружу, с раздражением набросила на неё свой плащ.

Цзян Байси оглянулась, улыбнулась и сказала:

— Сойдите, мы останемся здесь на ночь.

Цзин Жань и Чжансунь Циму последовали за ней, и, пройдя по узкой тропинке, они оказались у небольшого уединённого дома у подножия горы.

У входа их встретил человек, похожий на крестьянина, стоявший под навесом с тусклым фонарём в руках. Увидев их, он не произнёс ни слова, а просто повёл их внутрь.

Цзин Жань заметила, что он, проведя их в дом, начал жестиковать — видимо, он был немым.

Цзян Байси спокойно наблюдала за его жестами, затем повернулась к Цзин Жань и Чжансунь Циму:

— Он говорит, что сегодня на охоте добыл свежего фазана. Хотите поужинать?

Цзин Жань снова посмотрела на этого человека. Несмотря на то, что он не мог говорить, его жесты были полны нетерпения, а во взгляде читалась мягкая надежда. Она кивнула:

— Спасибо, буду признательна.

Крестьянин, казалось, был очень рад. Он быстро удалился и вскоре вернулся с дымящейся кастрюлей тушёного фазана, а также с несколькими изысканными закусками. Когда всё было готово, он жестами предложил им поесть и отдохнуть в одной из комнат внутри, дав понять, что уберёт всё сам, и с заботой удалился.

Цзин Жань открыла крышку кастрюли, и аромат мяса и трав мгновенно наполнил воздух. Такой вкус мог получиться только после нескольких часов медленного тушения, значит, это блюдо готовили задолго до их прибытия.

— Этот крестьянин — твой человек? — спросила Цзин Жань, наливая три миски супа.

— Не совсем. Его когда-то спасли мои родители, — ответила Цзян Байси.

Её ответ удивил Цзин Жань, и она добавила, указывая на содержимое кастрюли:

— Посмотри, здесь специально для тебя добавлены травы. И ты не заметила, что он смотрит на тебя как-то по-особенному?

Цзин Жань ещё больше удивилась. Неужели этот человек, похожий на крестьянина, знает об их происхождении?

— О чём задумалась? Ешь. Этот человек — мастер в приготовлении лечебных блюд. Когда мама была беременна тобой, он готовил для неё три раза в день, — Цзян Байси подтолкнула миску с супом обратно к Цзин Жань и добавила:

— Выпей всё это. Я сегодня съела двух кроликов, мне хватит.

С этими словами она взяла палочки и положила себе несколько лёгких закусок, опустив глаза, она начала есть. Чжансунь Циму, понюхав суп перед собой, тоже отодвинула миску к Цзин Жань и тихо засмеялась:

— Ты тоже выпей это. Мне не нравится этот травяной запах.

— Ладно, ладно, — Цзин Жань взглянула на обеих, взяла все три миски и выпила их, затем положила каждой по куриной ножке:

— Этот тушёный фазан действительно превосходный. Если не хотите суп, хотя бы попробуйте мясо.

Цзян Байси улыбнулась, съела куриную ножку, которую ей положила Цзин Жань, и затем положила каждой по кусочку мяса.

Цзин Жань, глядя на Цзян Байси, которая спокойно ела, вдруг почувствовала, как на глаза накатывает давно забытая влага. В её сердце пробудилось чувство теплоты, которое отличалось от той страсти и зависимости, которую она испытывала к Чжансунь Циму. Это было что-то простое, что в обычных семьях считалось само собой разумеющимся, но для неё это было чем-то, чего она не испытывала две жизни подряд.

Цзян Байси, казалось, была очень яркой и дерзкой, но на самом деле её мысли были тонкими, как волос. Она так хорошо знала эту дорогу и так хорошо знала дом князя Дэциня, что, должно быть, часто тайком приезжала из Ганьцю в Цинъюэ, чтобы навестить этого старого упряма.

Под столом она почувствовала, как её пальцы обхватила знакомая тёплая рука, и это принесло ей успокоение. Она слегка моргнула, смахнув влагу с глаз, и, повернувшись к Чжансунь Циму, ответила на её мягкое прикосновение.

— Вы даже за едой не можете вести себя спокойно, — Цзян Байси, опустив глаза, отправила в рот ещё одну порцию еды, улыбаясь.

Цзин Жань раздражённо посмотрела на неё и, вместо того чтобы положить еду ей, перенесла её в миску Чжансунь Циму. Цзян Байси подняла глаза и посмотрела на неё с детским выражением, а затем сама взяла ту же еду и с удовольствием съела.

Чжансунь Циму улыбнулась, успокаивая Цзин Жань, и, используя внутреннюю силу, сдвинула тарелку с едой подальше от Цзян Байси.

Цзян Байси, неожиданно, не стала спорить, возможно, потому что считала, что обе девушки перед ней младше её.

Она потянулась, зевнула и, вставая, направилась в комнату:

— Я пойду спать. Завтра не нужно спешить, вы тоже поспите подольше.

Цзин Жань, глядя на неё, подняла бровь и крикнула в окно:

— Лань Гэ?

Лань Гэ мгновенно появился в комнате, и Цзин Жань спросила его:

— Что делал твой наследный принц прошлой ночью?

Лань Гэ немного помедлил, затем тихо ответил:

— Наследный принц прошлой ночью был здесь, лично приготовил этот тушёный фазан, а затем вернулся обратно.

Цзин Жань замерла, опустив взгляд на почти пустую кастрюлю, и смущённо моргнула. Она вспомнила, как Цзян Байси небрежно спросила её, хочет ли она поужинать, и как серьёзно сказала, что это блюдо было специально приготовлено для неё хозяином этого дома.

Даже с лёгкой походкой Цзян Байси, чтобы добраться от Юйчэна и обратно, нужно было два часа, плюс время на приготовление фазана. Всё это заняло бы всю ночь, и неудивительно, что сегодня она выглядела такой сонной. Её младшая сестра действительно...

Чжансунь Циму тоже удивилась, подняв брови, и смотрела на Цзин Жань с загадочным выражением. Цзин Жань, сжав губы, спросила Лань Гэ:

— Когда ты узнал о моём происхождении?

— Прошлой ночью, — произнёс Лань Гэ, также смотря на Цзин Жань с удивлением.

Цзин Жань вздохнула:

— Ладно, ладно, я признаю, что я была ужасной старшей сестрой.

Не просто ужасной, а просто отвратительной. Ведь прошлой ночью именно она вытолкнула Цзян Байси за дверь...

Лань Гэ, видя, как Цзин Жань сдерживает слёзы, почувствовал облегчение за свою госпожу и продолжил:

— Вы даже не представляете, что наш наследный принц ещё...

Его слова были прерваны ленивым голосом, раздавшимся из комнаты:

— Лань Гэ, если тебе нечем заняться, может, отправишься в горы за травами?

Лань Гэ сразу же сжался и быстро исчез.

Цзян Байси, зевая, снова произнесла:

— Моя дорогая, не стоит так волноваться. Прошлой ночью я просто пришла сюда, чтобы собрать ледяной эпифиллум, который цветёт только в снежную ночь. Фазан был просто побочным продуктом.

Сказав это, она снова замолчала, словно снова погрузившись в сон. Цзин Жань, смеясь и раздражаясь, доела оставшееся мясо и, после ужина, гуляла с Чжансунь Циму по двору до полуночи, прежде чем вернуться в комнату.

В последующие дни они продолжали двигаться по горным тропам днём, а к вечеру всегда останавливались у какого-нибудь дома у подножия горы, где были целебные источники.

Цзин Жань чувствовала, что после нескольких дней таких ванн её волосы пропитались ароматом трав. Чжансунь Циму, казалось, очень нравился этот запах, и она часто, в моменты нежности, слегка касалась её волос и шеи.

Чем дальше они продвигались на север, тем сильнее ощущалось похолодание. Казалось, что весенняя погода, которая начиналась в Цинъюэ, не распространялась на Ганьцю.

Однако внутри их повозки всегда было тепло и уютно. Это чувство было очень знакомым, и Цзин Жань наконец осознала что-то неладное, потрогав стенку повозки.

<http://bllate.org/book/16717/1537149>